

ИЗ ИТАЛЬЯНСКОЙ ТЕТРАДИ

Г. БОЯДЖИЕВ

ТРУДНОЕ это дело — быть искусствоведом и мчаться в поезде по Италии, так бы и прильнул на все время к вагонному стеклу: мимо — зеленые пасторальные долины с будто специально выгнанными барашками, мимо — пологие холмы, увенчанные классическими пирами, мимо — древние кирпичные сторожевые туры, все надо увидеть, все хочется «записать» — друг «Зоркий» ищетел поминутно, кинокамера жужжит, но на что все это, разве ухватишь жизнь, разве обоймешь необъятное?

Поезд мчится в Венецию, а утро пробуждается что-то очень лениво. Лишь бы небо не пахмурилось, ведь «жемчужина Адриатики» без солнца — это призралик без музыки, красавица без улыбки... А солнца явно мало. Промчались мимо мест, из которых, не будь утреннего тумана, виделись бы голубые воды озера Гарда... Но вот вершины Альп выглянули из туманного покрывала, и на их снежных шапках заиграли солнечные блики... «А ну-ка, солнце, ярче брызни!» — как поется в песне.

Поезд идет на всех парах, уже мелькнула Брешиа. Поля, дороги, дороги, машины, дома. Продолжительный свисток, и снова остановка. Верона — стоянка поезда только четыре минуты, земля Ромео и Джульетты...

«В Вероне пышной разгорелся вьюн... раздор кровавый».

Хотя бы сделать шаг по этой земле. Выскакиваю на платформу, оглядываюсь — ничего примечательного, реклама «кока-колы» и еще какие-то пустяки. Вдруг вижу маленький фонтанчик — «питьевая вода», на миг припадаю губами к струе — глоток холодной прозрачной воды из недр Вероны... Свисток машиниста, грохот сцеплений, и снова дома, леса, долины. Остановка — Виченца. Та самая Виченца, про которую столько лет говорю на лекциях, здесь, построенный почти 400 лет назад мраморный театр «Олимпико», самое гармоничное театральное сооружение в мире, совершенство форм архитектурных, скульптурных и живописных, собранных воедино, чтобы стать драгоценной оправой театру. Некогда здесь на открытии был сыгран впервые в Италии и в новой Европе «Царь Эдип», говорят, что и ныне на сцене театра «Олимпико» даются трагические спектакли. Но как все это проверить и увидеть, когда в городе, прославленном гением архитектора Палладио, развешена американская воинская часть и без специального разрешения туда не попадешь...

Поезд помчался дальше, мелькают старинные крепостные стены, выплывает усюренное болотом плато кладбище, и у самого железнодорожного полотна до боли знакомая, копусообразная башенка с большой красноармей-

ской звездой на вершине, как у нас на дорогах, — памятник над братской могилой «Неизвестного солдата». Друг Луиджи говорит, что это могила погибших в боях Сопротивления партизан.

Нобо светлеет с каждым часом. Поезд мчится с безжалостной быстротой. Я выглядываю в окно и, только ловя контуры уплывающего станционного здания, читаю: Падуя. Позади остается город, где закладывались основы ренессансной культуры, со знаменитым университетом, в котором учились Коперник, Ариосто, Торквато Тассо, город, прославленный фресками Джотто и Мантеньи, город, где погребен Петрарка... Все это уже позади, поезд подходит к станции Местре. Это последняя остановка на «континенте», дальше идут лагуны.

— Пока чудес нет, — сказал Луиджи, — но скоро они начнутся.

Где же они, эти чудеса? Поезд въехал на тонкий переиеек, по обе стороны — вода. Кто путешествовал в Крым, видел такое. Не произвел на меня особенного впечатления и силуэт башен показавшейся издали Венеции. Неужели для удивлений и восторгов есть свои пределы, и, перевыполнив их дневную норму, рискуешь оказаться, что называется, без аппетита? Это в нужнейший момент, подъезжая к самой Венеции!

Последние пятнадцать двадцать минут в окнах мелькает индустриальный пейзаж. Сам венецианский вокзал тоже ничем не примечателен. Обычный дебаркадер, переполненный пассажирами, носильщиками с тележками. Сплетения железнодорожных путей, маневрирующие паровозы, гудки, свистки, дым, пар... Даже как-то утешаешь из виду, куда ты приехал!

Обширное вокзальное помещение; чтобы выйти в город, нужно подняться по довольно крутой лестнице. И кто думал, что один лестничный марш перенесет тебя из вокзальной прозы сразу в мечту и сделает эту мечту поражающей реальностью.

Ты стоишь, растерянный и блаженно улыбающийся, а она, Венеция, вся сразу перед тобой — живая, сияющая, ликующая: голубой купол неба, залитый итальянским солнцем, мириады солнечных брызг на изумрудных волнах Большого канала, черные лакированные, лоснящиеся на солнце струны гондол, выносами скользящие ослепительно-белые моторные лодки — мотоскафы. Все в движении, в порыве, в игре... И шумный, стремительный людской поток поспешу — на горбатом мосту Скальци, на привокзальной площади, в соседних переулках, возгласы гондольеров, выкрики разгосчиков, шум, гам, смех, и ко всему этому волнами взлетающие в небо дружные стаи голубей...

Стоишь зачарованный, и в сознании почему-то всплывают

слова: «Золотое яблочко на голубом блюдецке». Детское радостное царство — в первом же переулке длинные лотки со всякого рода стеклярусами, золоченой посудой, стеклянными шарами, и на всем этом играет ослепительная солнечная иллюминация, а рядом будки, где торгуют курами — это златокудрые красавицы в нейлоновых платьицах, каждая в рост пятилетней девочки, каждая в своей коробке, как в замке, и стоят эти замки один на другом, создавая целое государство, населенное только принцессами.

БОГ ЗНАЕТ, что делает с тобой эти чаровница-Венеция.

Ты уже в ее власти, и все остальное кажется нестоящим внимания. За три минуты отданы чемодан и документы, парте, и мы на мотоскафе — в путь по Большому каналу. Душа открыта для впечатлений, воображение жаждет все новых и новых чудес, и чудеса плывут тебе навстречу, будто поднимаемые из глубинных вод — это мраморные дворцы разных столетий: от XIII до XVIII; разных стилей: от готики до барокко, но в чем-то главном они родные братья. Их единит лазоревый свет Венеции, навстречу которому устремлены все лодки, все аркады, все широко раздвинутые окна дворцов. Ни одной замкнутой в себя, отяжеленной конструкции — все дома в три-четыре яруса открыты для неба, все глядят в быстротечный канал.

Мотоскаф проворно движется вперед, не успеешь нагнись одним домом, как к тебе плывут уже новые, плывут и сплыв, и снова. Почти о каждом из них написаны исследования, у каждого есть своя история или даже легенда: в одном жил Джордано Бруно, изменнически преданный хозяином дома и сожженный на костре, в другом, как говорит предание, обитал «венецианский мавр» Отелло, в третьем творил и роскошествовал Тициан, в четвертом, покинув не приветную родину, отдыхал душой лорд Байрон...

И все эти дворцы, как и встарь, высятся над водной зыбью, и ты не можешь, да и не хочешь понять, как их строили, ведь перед домами ни порожек, ни терраски. Они вырастают прямо из вод канала, их цоколи покрыты ярко-зеленой тиной, и водоросли вытес вмести травы у их дверей — похоже, что над зелеными лопухами водных лилий раскрываются мраморными коряжками цветы. Проплывли знаменитый Палаццо Д'Оро («Золотой дворец»), миновал мост Риальто, тоже отсвечивающий желтыми тонами. И вот мы уже на морском просторе...

ВЕНЕЦИЯ — МОСКВА.

(Продолжение следует).

Главный редактор

Д. Г. БОЛЬШОВ.

5 ИЮН 1965